КОГДА БЫЛ КАЗНЕН ИЛЕЙКА МУРОМЕЦ?

(Несколько хронологических сопоставлений)

И. И. СМИРНОВ

Судьба Илейки Муромца — самозванного «царевича Петра» и крупнейшего, после Болотникова, деятеля крестьянской войны 1606—1607 гг.,— почему-то не привлекала внимания исследователей, ограничивающихся кратким указанием в общей форме на то, что после падения Тулы 10 октября 1607 г. Илейка Муромец был отправлен Василием Шуйским в Москву и затем казнен. Между тем источники не только позволяют установить время казни Илейки — январь 1608 г., но и дают возможность объяснить, в чем крылась такая медлительность в расправе с ним правительства Василия Шуйского.

И для русских, и для иностранных источников, содержащих сведения о судьбе Илейки, общей чертой является указание на демонстративный, публичный характер казни Илейки, в противоположность тайной расправе с Болотниковым [1].

Из иностранцев наиболее подробное описание казни Илейки дает в своем сочинении «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском» Элиас Геркман. Описание это заслуживает быть приведенным целиком: «Он был приговорен к повешению, выведен из Москвы и приведен на место, где стояла виселица. Многие очевидцы рассказывают, что вышеупомянутый Петр Федорович (взойдя на лестницу) говорил кругом стоящему народу, что он перед его царским величеством не совершил преступления, заслуживающего смертной казни, что его преступление состоит только в том, что он выдавал себя за сына Федора Ивановича, что он на самом деле его сын и за это убеждение готов умереть; что его слова найдут справедливыми, если прикажут узнать о нем на Дону, что за грехи, за то, что он с казаками на Дону вел безобразную жизнь, бог наказывает его позорною смертью. Его повесили на мочалах, которые не могли крепко затянуть, так как они были очень толсты, и преступник был еще жив, когда палач уже спустился вниз. Увидев это, палач взял у близ стоявшего крестьянина дубину (которую тот случайно держал в руках), снова влез на виселицу и ударил царевича по черепу. От этого удара он умер» [2].

Рассказ Геркмана представляется мне в своей основе достоверным [3]. В пользу такой оценки его говорит не только прямая ссылка автора на «многих очевидцев», но и, что гораздо более существенно, ряд деталей обстановки казни, содержащихся в нем.

Так, указание, что Илейка был на казнь «выведен из Москвы», соответствует свидетельству «Карамзинского хронографа», что Илейка был казнен «под Даниловым монастырем», расположенным за пределами внешнего кольца стен, окружавших Москву,— Земляного города. То же следует сказать относительно содержащегося в рассказе Геркмана указания на «народ», стоявший вокруг места казни Илейки: именно о казни Илейки «перед народом» говорится в Рукописи Филарета. Наконец, сообщение Геркмана о том, что повешенный Илейка был до-

---

[1] «Пискаревский летописец». «Материалы по истории СССР». II, М., 1955, стр. 132; «Сборник Муханова», Изд. II, СПб., 1866, стр. 276; А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 338; И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова, М., 1953. Приложение, стр. 150.

[2] «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России», СПб., 1874, стр. 304.

[3] Общую оценку сочинения Геркмана, изданного в Амстердаме в 1625 г., см. в моей книге «Восстание Болотникова», М., 1951, стр. 465—466.

бит палачом ударом дубины по черепу, полностью совпадает с аналогичным рассказом, содержащимся в записках Станислава Немоевского, о том, что Илейку «вывели на площадь и убили ударом дубины в лоб» [4].

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом о степени достоверности рассказа Геркмана в той его части, где говорится о речи Илейки народу перед казнью и излагается содержание этой речи. Этот вопрос тесно связан с более общим вопросом: какие цели преследовало правительство Шуйского казнью Илейки?

Публичный и демонстративный характер казни Илейки в Москве (в противоположность тайному умерщвлению Болотникова в далеком Каргополе) имел целью оказать этим актом воздействие на народ, являясь заключительным звеном политической кампании, которую развернуло правительство Шуйского с того самого момента, когда после падения Тулы 10 октября 1607 г. в его руках оказались Илейка и Болотников, и которая заключалась в распространении всякого рода клеветы и провокаций против руководителей и вождей восставших крестьян.

Важнейшим моментом в этой кампании являлась рассылка по городам царских грамот о взятии Тулы, в которых «тульские сидельцы» во главе с Болотниковым изображались раскаявшимися преступниками, «добившими челом» царю Василию и выдавшими ему Илейку Муромца.

Эта версия царских грамот, извращавшая действительные обстоятельства падения Тулы, имела целью очернить участников восстания и его руководителей и одновременно скрыть от масс вероломство Василия Шуйского, нарушившего «крестное целование» и торжественное обещание «тульским сидельцам» беспрепятственного выхода из осажденной Тулы и помилования всех участников и руководителей восстания [5].

В действительности Болотников и в оковах оставался пленным, но не сломленным вождем крестьянской войны. И последние слова Болотникова, сохраненные очевидцем-современником, были грозные слова, обращенные к его врагам — «боярам», что он еще будет их в оковы сажать «и в медвежьи шкуры зашивать» [6].

Несколько иначе обстояло дело с Илейкой Муромцем. По-видимому, Шуйскому удалось добиться от мужицкого «царевича» признания в самозванстве, и этот козырь, оказавшийся в руках правительства Шуйского, был немедленно использован им в политической игре, сначала в форме публичного заявления Илейки «перед государевы бояры и передо всей землею» [7], а затем путем рассылки грамот с текстом этого заявления по городам.

Текст заявления Илейки, правда, дефектный [8], сохранился (в изложении царской грамоты), что дает возможность составить себе представление о его характере и содержании. Это подробная автобиография Илейки, записанная с присущей приказному делопроизводству точностью, с сохранением колорита живой речи и доведенная до момента прихода отряда Илейки в Тулу весной 1607 г.

---

[4] A. Hirschberg. Pamietnik Stanislawa Niemojewskiego, Львов, 1899, стр. 235. Русский перевод Записок Немоевского см. в издании: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. 6, М., 1907, стр. 218. В дальнейшем даются ссылки на польское издание, с одновременным указанием страниц русского перевода.

[5] Подробный разбор всех данных, содержащихся в источниках, об обстоятельствах падения Тулы см. И. И. Смирнов. «Восстание Болотникова», стр. 468—492.

[6] A. Hirschberg. Polska a Moskwa w Pierwszej Polowie Wiekze XVIII, Львов, 1901, стр. 128. Русский перевод см. «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», М., 1959, стр. 175. В дальнейшем даются ссылки на польское издание с одновременным указанием страниц русского перевода.

[7] «Архив П. М. Строева», т. II, РИБ, т. XXXV, СПб., 1917, № 69. ААЭ, т. II, № 81.

[8] В столбце с текстом заявление Илейки утерян один из составов: третий от начала.

Хотя конец речей Илейки в дошедшей до нас грамоте отсутствует, но их характер предопределяется рассказом Илейки (в сохранившейся части его заявления) о том, как он был провозглашен казаками «царевичем». В сочетании с подробным рассказом о том, что «родился де он в Муроме, а прижил де его, с его матерью с Ульянкою, Иваном звали Коровин без венца; а имя ему Илейка, а матери его муж был Тихонком звали Юрьев, торговый человек» [9],— рассказом, аутентичность которого с бесспорностью вытекает из самого его содержания,— это со всей очевидностью свидетельствует, что заявление Илейки заканчивалось признанием им своей вины и раскаянием.

В этом публичном признании Илейкой своего самозванства и заключалась политическая цель, которую преследовало правительство Шуйского устройством выступления Илейки «перед государевыми боярами» и перед «всей землей», т. е. перед каким-то широким собранием, состоявшим не только из боярской думы, но из представителей «всей земли» — термин, обозначающий в современных (XVII в.) источниках Земский собор, или равнозначные собору представительные органы.

Из вводной части грамоты с текстом речей Илейки следует, что заявление Илейки было сделано в самый момент падения Тулы: «116-го, октября в 10 день, как государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии город Тула и которые воры седели на Туле, Илейка Муромец, что назывался воровским умышлением блаженные памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии сыном царевичем Петром, да Ивашко Болотников, и казаки Донские и Волские, и Терские, и Черкасы, и всякие многие люди розных городов, и Тульские жильцы, посадцкие люди,— государю добили челом, и начальник их вор Илейка Муромец сказал про себя сам перед государевы бояры и передо всею землею» [10].

Такое определение времени выступления Илейки подтверждается тем, как в речах Илейки говорится о Туле: «а Нагиба де и Наметка ныне здесь седели на Туле»; «приехали к ним з грамотою ис Путимлю Горяйном зовут, седел на Туле ныне». Таким образом, Тула прямо подразумевается («здесь») как место нахождения Илейки в момент произнесения речи, момент же этот определяется (употреблением формы «ныне») как непосредственно следующий за «сидением» в Туле.

Поскольку в грамоте В. Шуйского в Пермь от 13 октября 1607 г. (помеченной «писан на Туле») уже говорится о том, что «вора Илейку послали есьмя к Москве, чтобы всем людям наших государств такое воровское умышление было ведомо» [11], очевидно, заявление Илейки датируется 10—12 октября 1607 г. Определение места и времени заявления Илейки позволяет конкретизировать и формулу о «государевых боярах» и «всей земле», перед которыми выступал Илейка. С Василием Шуйским в походе находилась большая часть боярской думы (11 бояр, 5 окольничих и другие думные чины; в Москве оставалось 8 бояр и 2 окольничих) [12]. Что же касается «всей земли», то в этом качестве в Туле, очевидно, действовали представители служилых людей из войска В. Шуйского.

Грамота с текстом речей Илейки дошла до нас в виде подклейки к грамоте В. Шуйского в Сольвычегодск от 19 октября о падении Тулы [13]. Это позволяет сделать заключение о том, что речи Илейки рассылались по городам одновременно с грамотами о падении Тулы в качестве своего рода приложения к ним.

---

[9] «Архив П. М. Строева», т. II, № 69.

[10] Там же.

[11] СГГД, ч. II, № 154.

[12] С. А. Белокуров. Разрядные записи за смутное время, М.. 1907, стр. 87—88.

[13] См. ААЭ, т. II, № 81 и «Архив Строева», т. II, № 69. Легенда. (В настоящее время хранится в архиве ЛОИИ).

Однако более детальное ознакомление с грамотой от 19 октября в Сольвычегодск и с грамотой, содержащей речи Илейки, показывает, что между ними нет никакой связи, и каждый из двух актов является совершенно самостоятельным и независимым от другого. Подклейка же речей Илейки к грамоте от 19 октября является позднейшей и вторичной и была осуществлена не в Москве, при отсылке в Сольвычегодск грамоты от 19 октября, а уже в Сольвычегодске.

Это доказывается, прежде всего, палеографически. Грамота от 19 октября, к которой подклеены речи Илейки, представляет собой не подлинник, а список, что прямо отмечается в ее тексте («Список з государевы грамоты», «А на заде у грамоты на згибе подпись» и т. д.). Напротив, грамота с речами Илейки является подлинным документом, отправленным из Москвы и полученным в Сольвычегодске, как это следует из пометы на обороте в верхней части грамоты: «116, декабря в 11 день пришла с третним казаком Евтихейком Хлебником»[14]. Разными являются и почерки грамот и филиграни.

То, что грамота с речами Илейки «пришла» в Сольвычегодск 11 декабря 1607 г.[15], может служить вторым доказательством несвязанности ее с грамотой от 19 октября. Дело в том, что из помет на грамотах видно, что на доставку грамот из Москвы в Сольвычегодск уходило от двух до трех недель[16]. Поэтому грамота от 19 октября пришла в Сольвычегодск не позднее начала ноября 1607 г. А вероятнее всего, учитывая важность ее содержания, даже в конце октября. И уж никак не в декабре. Иными словами, грамота от 19 октября была получена в Сольвычегодске задолго до грамоты с речами Илейки и независимо от нее.

Это заключение подкрепляется обращением к сборнику Государственной Публичной библиотеки под шифром Q.IV.17, известному еще со времен Карамзина. По характеристике Е. Н. Кушевой, специально исследовавшей этот сборник, «содержание сборника составляют несколько литературных произведений эпохи Смуты и ряд грамот времени царей Федора, Бориса, 1-го самозванца, Василия Шуйского, междуцарствия и царя Михаила Федоровича (с 1592 по 1616 гг.), расположенных в хронологическом порядке и адресованных в большинстве случаев в Соль Вычегодскую или имеющих в конце пометы о доставке их в Соль Вычегодскую»[17]. Е. Н. Кушева следующим образом рисует историю составления сборника: «Сборник начал составляться в 1605 г. в Соли Вычегодской в доме Строгановых и писцами их канцелярии, между которыми можно назвать Ждана Воронина. В 1606 и 1707 годах, продолжая пополняться грамотами, литературными произведениями, он получил и некоторое приращение спереди, состоящее из послания патриарха Иова 1592 года и нескольких статей 1598 г. В годы 1608—1609 работа над ним была временно прекращена. Возобновилась она в 1610 году, когда снова начали заносить в сборник грамоты по 1613 год.

---

[14] «Архив Строева», т. II, № 69.

[15] Хотя в сохранившейся части грамоты с речами Илейки и нет упоминаний о Сольвычегодске, однако то, что эта грамота, подобно грамоте от 19 октября, была адресована в Сольвычегодск, не вызывает сомнений и доказывается как фактом подклейки ее к грамоте, адресованной в Сольвычегодск (грамота от 19 октября), так и тем, что обе эти грамоты были найдены П. М. Строевым «в остатках соборного архива в Соль-Вычегодске» (см. ААЭ, т. II, № 81. Легенда).

[16] См. ААЭ, т. II, № 35; № 38, 1, № 73, 74; см. также № 57, 58, 59. Царские грамоты из Москвы доставлялись в Сольвычегодск за 11—12 дней. Митрополичьи же грамоты из Ростова — за 13—22 дня. Единственный пример более длительных сроков доставки грамот в Сольвычегодск — это грамота патриарха Иова от 14 января 1605 г., полученная в Сольвычегодске только 3 марта 1605 г. Но эту грамоту не привез, как обычно, а «принесл грамоту в Введенской монастырь ямщик тотомской» (ААЭ, т. II, № 28).

[17] Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени, Саратов, 1926 стр. 33.

Еще до 1624 года сборник принял уже свой настоящий вид, в конце были приписаны грамоты Строгановым 1613—1616 годов, спереди прибавлено оглавление, а в сборник старого состава включен ряд статей, что вызвало замену старой киноварной нумерации новой, писанной чернилами»[18]. Среди грамот сборника имеется и грамота от 19 октября 1607 г., однако без текста речей Илейки. Причем грамотой от 19 октября 1607 г. заканчивается часть сборника, содержащая грамоты 1606—1607 гг. Дальнейшие грамоты сборника относятся к 1610—1613 гг. Грамота же с текстом речей Илейки в сборнике вообще отсутствует[19]. Это обстоятельство, в свете наблюдений Е. Н. Кушевой, что грамоты в сборник списывались писцами Строгановых «непосредственно с подлинников», причем «постепенно, по мере их получения»[20],— говорит о том, что грамота от 19 октября была скопирована в Строгановский сборник еще до получения в Сольвычегодске грамоты с речами Илейки. Последняя же не попала в сборник, так как работа над ним именно после скопирования грамоты от 19 октября была прервана до 1610 г.[21]

Итак, грамота с речами Илейки совершенно самостоятельна и независима от грамоты от 19 октября[22].

Таковы выводы, к которым приводит палеографическое и текстологическое изучение грамоты в Сольвычегодск от 19 октября и грамоты с речами Илейки.

Эти выводы можно сделать еще более определенными, если обратиться к сопоставлению рассматриваемых грамот со стороны их содержания. Возможность для такого сопоставления дает то, что и в грамоте в Сольвычегодск от 19 октября и во вводной части грамоты с речами Илейки излагаются обстоятельства падения Тулы. Сопоставление приводит к неожиданному выводу. Оказывается, в изображении обстоятельств падения Тулы в грамоте в Сольвычегодск от 19 октября и в грамоте с речами Илейки имеются существенные различия.

Что касается грамоты от 19 октября, то в ней воспроизводится официальная версия правительства В. Шуйского о раскаянии «тульских сидельцев» и выдаче ими Шуйскому царевича Петра — Илейки. В соответствии с этим обстоятельства падения Тулы изображаются следующим образом: «Тульские сидельцы, узнав свою вину, нам великому государю добили челом и крест нам целовали, и Григорьевского человека Елагина Илейку, что назвался воровством Петрушкою, к нам прислали»[23]. Эта формула текстуально совпадает с формулой в грамоте от 13 октября 1607 г. в Пермь, а также в грамоте в Астрахань (сохранившейся — в изложении — в Ногайских делах Посольского приказа)[24].

---

[18] Там же, стр. 36—37.

[19] Описание сборника Q.IV.17. см. Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 23—33.

[20] Там же, стр. 33, 38.

[21] К наблюдениям Е. Н. Кушевой над сборником Q.IV.17 можно добавить следующее. Сличение текста грамоты в Сольвычегодск от 19 октября в Строгановском сборнике и в списке, найденном Строевым в архиве Сольвычегодской соборной церкви, обнаруживает в последнем списке ряд пропусков в тексте («и мы, великий государь, благодарив бога о таком велии милосердии божии»; «Троицы славимому богу и пречистей его богоматери». Разрядкой отмечены пропуски), а также различия в написании отдельных слов («Шарапу» и «Шерапу»; «Троицы» и «Троице»). Из этого следует, что копия для Строгановых снималась с текста, не имевшего отмеченных пропусков т. е. не со списка, найденного Строевым, а с подлинника.

[22] Грамота В. Шуйского в Пермь от 13 октября 1607 г., тождественная по содержанию с грамотой в Сольвычегодск от 19 октября, также не имеет приложения в виде речей Илейки (СГГД., ч. II, № 154). При этом, в отличие от грамоты в Сольвычегодск от 19 октября, дошедшей до нас в списках, грамота в Пермь сохранилась в подлиннике.

[23] «Архив П. М. Строева», т. II, № 69.

[24] СГГД, ч. II, № 154; А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914, стр. 171—172.

Обращаясь к версии грамоты с речами Илейки, воспроизведенной выше, нетрудно видеть, что в ней отсутствует самая основа версии сольвычегодской, пермской и астраханской грамот — момент противопоставления Илейки остальным «Тульским сидельцам» и выдачи ими Илейки В. Шуйскому. Напротив, в грамоте с речами Илейки все тульские сидельцы во главе с Илейкой изображаются как добившие челом, Илейка же называется «начальником» восставших. Различие версий о Туле в рассматриваемых грамотах особенно наглядно выступает при сопоставлении перечня добивших челом. В сольвычегодской грамоте он открывается именами князей Телятевского и Шаховского, после которых назван Болотников. В грамоте же с речами Илейки Телятевский и Шаховской отсутствуют вовсе и названы поименно лишь Илейка Муромец, открывающий перечень, и Болотников. Наконец, и сам Илейка по-разному называется в сольвычегодской грамоте и в грамоте с речами: в первой — просто Илейка, во второй — с добавлением «Муромец».

Итак, грамота с речами Илейки содержит совершенно иную, по сравнению с сольвычегодской (и пермской и астраханской) грамотой, версию об обстоятельствах падения Тулы. Это не только подкрепляет полученные выше выводы о самостоятельности и независимости грамоты с речами Илейки от грамоты в Сольвычегодск от 19 октября, но и вообще исключает возможность одновременной посылки этих грамот, как содержащих взаимоисключающие версии по вопросу об Илейке и его поведении в момент падения Тулы. При этом оба отличия версий, содержащихся в грамотах, носят политический характер, что исключает возможность говорить о случайности данных отличий. Но отсюда следует, что та версия об обстоятельствах падения Тулы, которая была создана правительством Шуйского в самый момент падения Тулы, на каком-то этапе развития событий перестала удовлетворять Шуйского и была заменена новой версией, отраженной в грамоте с речами Илейки.

Время появления этой новой версии определяется пометой на обороте грамоты с речами Илейки. Пользуясь приведенными выше данными о количестве дней, требовавшихся для доставки грамот из Москвы в Сольвычегодск, нетрудно высчитать, что время отправки из Москвы грамоты с речами Илейки (полученной в Сольвычегодске 11 декабря) падает на 20-е числа ноября, вероятнее, даже на конец ноября.

Отсюда следует, что во второй половине ноября правительство Шуйского вновь возвращается к моменту падения Тулы, но теперь уже дает этому событию несколько иное освещение. Новое освещение обстоятельств падения Тулы в грамоте с речами Илейки стоит в прямой связи с основным характером этого документа, преследовавшего цель — привлечь внимание к Илейке Муромцу. Главное его содержание составляли речи Илейки с признанием о его самозванстве. (Об обстоятельствах же падения Тулы говорится во введении к грамоте, объясняющем происхождение речей Илейки.)

В грамоте с речами Илейки очень явственно видны следы работы по ее составлению. Сами речи в грамоте, как сказано выше, несомненно, воспроизводят запись действительных речей Илейки, сделанных еще в Туле, в момент его пленения. Вводная же часть грамоты, напротив, составлена позднее, уже в момент рассылки речей Илейки. Это видно не только из ее содержания (версия о падении Тулы, отличная от версии октябрьских грамот), но и из иной, по сравнению с октябрьскими грамотами, формы обозначения даты падения Тулы. В то время как в грамотах о падении Тулы дата ее падения обозначается без года, просто «октября в 10 день» — что вполне естественно для документа, составленного в самый момент падения города,— в грамоте с речами Илейки дата падения Тулы названа уже с годом: «116-го октября в 10 день»,— форма обозначения опять-таки естественная для документа, время со-

ставления которого отделено уже каким-то промежутком от времени падения Тулы.

При рассмотрении грамоты с речами Илейки еще важнее выяснение ее общего характера, установление того, что представляет из себя эта грамота как целое.

Прежде всего, самое ее обозначение как грамоты (в нашем предшествующем изложении) носит условный характер. Ибо в ней нет ни указания на то, от кого она исходит, ни обозначения адресата, ни удостоверительной части, ни даты. Она начинается цитированными выше словами: «116-го октября в 10 день» и заканчивается фразой из показаний Илейки о том, что Илейка с своим войском «пришли з Донца на Украйну во Царев город, а ис Царева города пришли в Путимль, а из Путимля пришли на Тулу». При этом можно с уверенностью говорить о том, что именно в таком виде грамота с речами Илейки и была отправлена из Москвы (и соответственно получена в Сольвычегодске). В отношении начала грамоты это видно из того, что помета на обороте о ее получении находится в самом верху грамоты, это свидетельствует о том, что это действительно ее начало. Конец также не вызывает сомнений: последний из ставов столбца, на котором написана грамота, гораздо короче предыдущих, причем и он записан не весь, и в конце столбца осталось довольно порядочное чистое место.

На всех ставах столбца с речами Илейки имеются следы продольных и поперечных сгибов, свидетельствующие о том, что столбец был сложен пакетом в треть длины става. После этого на сгибе, поперек текста, был написан адрес, вероятно, тот же, что и на грамоте в Сольвычегодск от 19 октября, о котором в списке этой грамоты говорится: «А назаде у грамоты на згибе подпись: К Соли Вычегодцкой Шарапу Семеновичю Якушкину».

К сожалению, в грамоте с речами Илейки адрес не сохранился. Очевидно, он был написан как раз на том ставе (третьем от начала), который утрачен[25]. Наличие на столбце сгибов, являющихся следами того, что грамота с речами Илейки была сложена в пакет, свидетельствует о том, что она такой адрес имела и в соответствии с ним была отправлена из Москвы в Сольвычегодск, куда и «пришла» 11 декабря 1607 г.

Тот вид, который имела грамота с речами Илейки, приводит к выводу, что перед нами, собственно говоря, не документ, не грамота, в собственном смысле слова, а своего рода прокламация, листовка, имеющая целью довести до сведения населения содержание речей Илейки и для этого рассылавшаяся по городам[26].

---

[25] Вероятность того, что адрес приходился именно на этот став, подкрепляется путем проверки на практике сгибания и упаковки «столбца» из 5 ставов. По следующей схеме: сначала загибается текстом внутрь пятый, короткий став, затем последовательно первый, второй, третий и, наконец, четвертый став. После этого сложенный по ставам столбец еще раз сгибается втрое — четвертым ставом внутрь, а затем уже перегибается вдоль, и по линии сгиба на оборотной стороне третьего става, поперек текста пишется адрес.

Наглядное представление о такого рода упаковке дает грамота в Пермь от 13 октября 1607 г., сохранившаяся в подлиннике. Пермская грамота написана на столбце из двух ставов. На обоих ставах следы перегиба: два поперечных сгиба и один продольный. Адрес написан на обороте первого става, на линии продольного сгиба, поперек текста: «В Пермь Великую князю Семену Юрьевичу Вяземскому» (Архив ЛОИИ, К. 122 (Соликамские акты), т. 1, № 56). Ни в СГГД, ни в «Документах и материалах о восстании Болотникова запись на обороте не воспроизведена и не отмечено, что грамота — подлинник.

[26] Примером подобного рода использования правительством Шуйского подлинных документов в целях политической пропаганды может служить «Извет Варлаама», основу текста которого составляет действительный «извет», т. е. заявление Варлаама относительно личности первого Самозванца. (См. Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 53—58; И. А. Голубцов, «Измена» смольнян при Б. Годунове и «извет» Варлаама. «Уче-

Чем же объясняется этот ход политической пропаганды? Зачем правительству Шуйского в конце ноября 1607 г. понадобилось рассылать по городам текст речей Илейки и таким путем вновь привлекать внимание к фигуре находящегося в московской тюрьме мужицкого «царевича»? Объяснение этого следует искать в тогдашней политической обстановке.

Как раз на это время — ноябрь-декабрь 1607 г.— падает первый этап вооруженной борьбы между Лжедмитрием II и Василием Шуйским, борьбы, в которой Лжедмитрий II опирался не только на отряды польской шляхты, составлявшие основное ядро его войска, но и на казацкие отряды. Социальная же демагогия Лжедмитрия II, которую он особенно широко использовал как оружие в борьбе против Шуйского, привлекала к нему и социальные низы — крестьян, холопов, в том числе участников восстания Болотникова [27].

Фокусом борьбы между Лжедмитрием II и Василием Шуйским являлся в конце 1607 г. город Брянск. Военные действия под Брянском охватывают период почти в два месяца — с 9 ноября 1607 г., когда Лжедмитрий II подошел с войском к Брянску и начал осаду города, и до 6 января 1608 г., когда он прибыл в Орел на зимовку, так и не взяв Брянска [28].

Среди свидетельств источников о событиях под Брянском особый интерес в плане рассматриваемого вопроса представляет сообщение Нового Летописца о приводе казаками под Брянск нового самозванца Федьки: «Приидоша же к Вору казаки и привезли с собою ж вора, назвавшегося царевичем Феодором, царя Федора Ивановича сыном, а ему будто племянник. Брянску же наипаче зделаху утеснение»[29]. Это известие подтверждается и конкретизируется польским источником — письмом из-под Брянска от 30 ноября н. с. 1607 г. пана Станислава Куровского пану Расковскому. Куровский в своем письме, во-первых, называет нового царевича полным именем: Федор Федорович (причем допускает неточность в обозначении степени родства «царевича Федора» к «царю Дмитрию», называя его не «племянником», как следовало бы, а «двоюродным братом Дмитрия»); во-вторых, сообщает, что Федор Федорович «недавно был на войне» и «пришол с 3000 казаков»; наконец, в-третьих,— что особенно важно,— характеризует положение, занимаемое царевичем Федором в лагере Лжедмитрия II, указывая, что «он сам с своими людьми находится под командованием царя нашего и служит ему как какой-нибудь сын боярский, однако находится у царя в великом почете»[30].

Итак, у находившегося в Москве, в плену у Василия Шуйского, Илейки, т. е. «царевича Петра Федоровича», неожиданно появился под Брянском «брат» (очевидно, «младший») Федор Федорович. Это обстоятельст-

---

ные записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928). При этом можно думать, что сначала «Извет Варлаама» распространялся как таковой, а затем уже был включен в текст «Иного Сказания» (где подвергся интерполяции). Во всяком случае, из четырех сохранившихся списков «Извета» наиболее первоначальный вид имеет список, где «Извет» находится отдельно, независимо от «Иного Сказания» (Рук. отд. БАН, 34.8.25, лл. 522—524 об.).

[27] По подсчетам И. С. Шепелева, «под Брянском количество ратных сил самозванца исчислялось в 22 с лишним тысячи человек; из них, примерно, 12 тысяч поляков и литовцев, 2—3 тысячи севрюков-крестьян, холопов и мелкого служилого люда и 8 тысяч запорожских и донских казаков» (С. И. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг., Пятигорск, 1957, стр. 52). Правда, И. С. Шепелев допускает «считать спорным приход под Брянск восьми тысяч казаков с Заруцким», поскольку, в то время как Пясецкий и Видекинд относят приход Заруцкого к Лжедмитрию II к моменту его нахождения под Брянском, Мархоцкий отодвигает приход Заруцкого уже ко времени пребывания Лжедмитрия II в Орле (Там же, стр. 52). Но наличие казаков у Лжедмитрия II под Брянском, независимо от того или иного решения вопроса об отряде Заруцкого, с бесспорностью свидетельствуется письмом Станислава Куровского (см. ниже).

[28] И. С. Шепелев. Указ. соч., стр. 50—54.

[29] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

[30] A. Hirschberg. Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwanca? Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению», СПб., 1904, стр. 3.

во создавало весьма деликатную ситуацию. В частности, появление на политической арене «царевича Федора» очень осложняло для правительства Шуйского вопрос о расправе с Илейкой. Ибо в таких условиях казнь Илейки, т. е. «царевича Петра», могла в глазах царистски настроенных народных масс лишь поднять, так сказать, династический вес «царевича Федора», и без того занимавшего высокое положение в лагере Лжедмитрия II.

В этой связи не может не броситься в глаза следующее обстоятельство. Появление под Брянском царевича Федора Федоровича почти совпадает по времени с рассылкой по городам грамот с речами Илейки. При этом есть основание считать, что появление Федора Федоровича под Брянском (датируемое письмом Куровского временем до 20 ноября ст. ст.) предшествовало по времени рассылке грамот с речами Илейки (датируемых пометой на Сольвычегодской грамоте с его речами концом ноября — после 20 ноября)[31].

Такое соотношение позволяет связать эти два события и по существу и видеть в рассылке речей Илейки с признанием своего самозванства мероприятие, направленное не только на дискредитацию самого «Петра Федоровича», но и его брянского «брата», гораздо более опасного в данный момент для правительства Шуйского, чем находящийся в тюрьме Илейка.

Однако ситуация, связанная с появлением «царевича Федора Федоровича», исчезла столь же внезапно, сколь неожиданно она возникла: «Той же Вор, кой назвался царевичем Дмитрием, того вора Федку, которова привезли казаки с Дону, подо Брянским убил до смерти»[32]. Это свидетельство Нового Летописца не вызывает сомнений в его достоверности, хотя польские источники и молчат о судьбе «царевича Федора Федоровича».

Позиция Лжедмитрия II в отношении самозванных «царевичей» была резко враждебной. В известной грамоте Лжедмитрия II от 24 апреля 1608 г. он, приводя длинный перечень самозванных царевичей (в том числе и «Петра царевича» и «царевича Федора»), предписывает «тех воров сыскивать, которые называютца царевичами, а сыскав, велел бити кнутом; а бив кнутом велел их пометать в тюрьму до нашего указу»[33]. Расправа с «царевичем» Федором Федоровичем под Брянском вполне отвечала такой позиции Лжедмитрия II, как и расправа годом позже с пришедшими в Тушинский лагерь Астраханскими «царевичами» Августом и Лаврентием (также упомянутыми в грамоте от 24 апреля 1608 г.), которых Лжедмитрий II «велел повесити в Тушине по Московской дороге»[34].

Трагический конец «царевича» Федора Федоровича свидетельствует о том, что почет и высокое положение в лагере Лжедмитрия II «другого царевича», как называет Федора Федоровича в своем письме Станислав Куровский, были чисто внешними и эфемерными и представляли собой лишь маскировку действительной позиции Лжедмитрия II. Вместе с тем следует учесть и заинтересованность Лжедмитрия II на первых порах в возможности использования трехтысячного отряда казаков «царевича» Федора, в чем Лжедмитрий II особенно нуждался в начале осады Брянс-

---

[31] Между приходом Федора Федоровича под Брянск и рассылкой грамот с речами Илейки имеется промежуток времени порядка недели или 10 дней, достаточный для того, чтобы правительству Шуйского стало известно (из донесений воевод) о приходе «царевича» Федора под Брянск. Впрочем, о «царевиче» Федоре Федоровиче правительство Шуйского могло знать уже и до его прихода под Брянск: он пришел туда с Дона и участвовал ранее в войне.

[32] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

[33] Д. Бутурлин. История Смутного времени, ч. II, СПб., 1841, Приложение, стр. 58.

[34] ПСРЛ, т. XIV, стр. 89.

ка, когда силы второго Самозванца были еще весьма невелики. Однако по мере того, как в войско Лжедмитрия II под Брянском вливались отряды польской шляхты и он становился в военном отношении все сильнее, создавались предпосылки, позволившие Лжедмитрию II сбросить маску в отношениях с Федором и расправиться с ним, устранив его с дороги как потенциального соперника в борьбе за московский трон.

Нет возможности более точно датировать убийство «царевича» Федора Федоровича[35]. Во всяком случае это произошло под Брянском до перехода Лжедмитрия II в Орел. Расправа Лжедмитрия II с «царевичем» Федором Федоровичем решающим образом сказалась на положении Илейки. После того, как Лжедмитрий II казнил самозванного «царевича Федора» (как, очевидно, изображалась Лжедмитрием II его расправа с «царевичем Федором Федоровичем»), всякая оттяжка казни Илейки означала бы, что царь Василий не решается сделать то, что столь решительно осуществил «царь Дмитрий», и тем самым подрывала престиж Василия Шуйского.

Это предопределяло дальнейшую судьбу Илейки.

Время казни Илейки устанавливается записью в дневнике Станислава Немоевского от 9 февраля н. ст. 1608 г.: «Дня 9, месяца февраля, прибыл посадский человек из Москвы. Наши проведали от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко»[36]. Из этой записи следует, что «Петрашко», т. е. Илейка, был казнен незадолго до отъезда из Москвы на Белоозеро посадского человека, от которого Немоевский и другие поляки, находившиеся в ссылке на Белоозере, узнали о казни Илейки. При этом и характер записи, и характер известия, и наконец, ссылка на то, что о новости, привезенной посадским человеком, поляки узнали через стрельца,— все это делает наиболее вероятным, что день приезда посадского человека на Белоозеро — это или 9 февраля или один из ближайших к нему дней[37].

Таким образом, для установления дня казни Илейки необходимо определить длительность поездки посадского человека из Москвы на Белоозеро, а затем, беря за исходный момент для отсчета дату 9 февраля, вычесть из нее дни, затраченные на проезд от Москвы до Белоозера, плюс некоторое количество дополнительных дней, как ввиду того, что казнь Илейки была за несколько дней («на днях») до отъезда посадского человека, так и допуская, что дата записи в дневнике Немоевского не совпадает с датой приезда человека на Белоозеро.

Для решения задачи о том, сколько дней истратил посадский человек на проезд от Москвы до Белоозера, можно использовать прежде всего приведенные выше материалы о сроках доставки грамот в Сольвычегодск. Основанием для такого использования служит то, что, как следует из «Поверстной книги» XVII в., путь из Москвы на Белоозеро в большей части (до Вологды) совпадал с путем в Сольвычегодск. Если учесть, что, по данным «Поверстной книги», расстояние от Москвы до Белоозера (540 верст) составляло почти точно половину расстояния от Москвы до Сольвычегодска (1060 верст)[38], то, очевидно, и время на по-

[35] То, что в Новом Летописце об убийстве «царевича Федора» говорится сразу же после сообщения о его приходе под Брянск, не может служить датировочным моментом, а представляет собой выражение литературной манеры этого источника, стремление исчерпать в одном месте весь сюжет о «царевиче Федьке», которому посвящена данная глава Нового Летописца.

[36] A. Hirschberg. Pamietnik S. Niemojewskiego, стр. 234 (русский перевод, стр. 218).

[37] О характере записей в дневнике Немоевского см. И. И. Смирнов. «Восстание Болотникова», стр. 475—476. Историю текста дневника Немоевского излагает А. Гришберг во введении к его изданию записок С. Немоевского.

[38] В. А. Петров. Географические справочники XVII в. «Исторический архив», т. V, М.— Л., 1950, стр. 106, 111. Здесь же помещена карта дорог XVII в., составленная В. А. Петровым по данным «Поверстной книги». Данные «Поверстной книги» о расстоянии между городами современны рассматриваемым событиям. Главным источником «Поверстной книги» является «Погонная книга» 114, т. е. 1606.

ездку в Белоозеро составляло половину времени на поездку в Сольвычегодск.

Условно я допускаю, что «посадский человек» затратил на дорогу от Москвы до Белоозера 12 дней[39]. Это дает дату выезда «посадского человека» из Москвы (9 февраля минус 12 дней) — 28 января н. ст., т. е. 18 января по московскому календарю. Учитывая, что, по словам «посадского человека», казнь Илейки имела место «на днях», т. е. незадолго до его отъезда, следует отнять от даты 18 января несколько дней — условно, три дня. Наконец, из полученной в результате этого даты — 15 января — следует исключить некоторое количество дней — условно также три дня, — допуская, что Немоевский мог сделать запись о приезде «посадского человека» на Белоозеро не в самый день этого события.

В итоге всех этих вычислений мы получаем в качестве вероятной даты казни Илейки — 12 января 1608 г.

Соотнося эту дату с событиями военных действий между Лжедмитрием II и Шуйским, следует прийти к выводу, что к этому времени правительству Шуйского уже было известно как об уходе Лжедмитрия II из-под Брянска, так и о предшествующей этому уходу расправе Лжедмитрия II с «царевичем» Федором Федоровичем[40].

Правительство Шуйского изображало исход борьбы под Брянском как поражение Лжедмитрия II и свою победу[41]. Действительно, под Брянском Лжедмитрия II постигла неудача. Однако и степень поражения Лжедмитрия II и масштабы победы воевод Шуйского явно и сознательно преувеличивались Шуйским в целях политического воздействия на массы. Тем не менее с уходом Лжедмитрия II из-под Брянска в Орел обстановка в стране, бесспорно, изменилась в пользу Шуйского по сравнению с временем боев под Брянском.

То, что Илейка был казнен почти тотчас же после того, как правительство Шуйского получило известие об исходе борьбы под Брянском[42], заставляет думать, что устройством публичной казни самозванного

---

[39] Автор приходит к этой цифре в результате сложных предположительных расчетов (*прим. ред.*).

[40] Лжедмитрий II прибыл в Орел 6 января ст. ст. 1608 г. (РИБ, т. I, стб. 130). Учитывая, что расстояние от Брянска до Орла составляло 140 верст («Исторический архив», т. V, стр. 137), на этот переход целого войска должно было уйти не менее 4-х дней. Иными словами, Лжедмитрий II ушел из-под Брянска числа 2—3 января. Так как от Москвы до Брянска — 370 верст («Исторический архив», т. V, стр. 137), то гонец от воевод с известием о победе под Брянском, ехавший с максимальной скоростью, должен был достичь Москвы за 5—6 дней (ср. скорость путешествия Дженкинсона, проехавшего расстояние от Вологды до Москвы — 420 верст по «Поверстной книге» («Исторический архив», т. V, стр. 106), за 6 дней), т. е. не позднее 7—8 января 1608 г.

[41] «Подо Брянском воров побили. И царь Василей Иванович послал во Брянеск х боярину и воеводам князю Михаилу Федоровичу Кашину да к Ондрею Никитину сыну Ржевскому за службу з золотыми». (С. А. Белокуров. «Разрядные записи», стр. 46).

[42] Сведения о времени казни Илейки содержатся также в дневнике Диаментовского. В записи от 7 февраля н. ст. 1608 г. излагается содержание письма католического монаха-миссионера Н. де-Мело; пункт 2 письма гласит: «Петрушка на Москве повешен, а Болотников в оковах» (A. Hirschberg. Polska a Moskwa, стр. 123. Русский перевод, стр. 174). Письмо Н. де-Мело, находившегося в это время в заключении в Борисоглебском монастыре, под Ростовом, несомненно менее точный источник информации, чем рассказ «посадского человека». Но в общем это письмо может служить подтверждением даты казни Илейки, полученной на основе данных дневника Немоевского. Следует учитывать более длительное время прохождения этой информации — сначала к Н. де-Мело, а затем уже от него в Ярославль — Диаментовскому. Другая, более ранняя запись дневника Диаментовского — от 5 января н. ст. 1608 г. — представляет запись различных слухов («возобновились вести»), среди которых и то, что «Петрушка повешен в Москве» (A. Hirschberg, стр. 120. Русский перевод, стр. 174), — слух явно ложный.

«царевича Петра» правительство Шуйского хотело усилить эффект от победы под Брянском над самозванным царем Димитрием [43].

Однако этот замысел оказался сорванным неожиданным для Шуйского поведением Илейки.

Возвращаясь к рассказу Геркмана о казни Илейки, я считаю, что речь Илейки, о которой говорит Геркман, вполне вероятна. И если раньше (пытками или обещанием помилования) у Илейки могли вынудить признание в самозванстве, использованное затем Шуйским в своих политических целях, путем организации публичного раскаяния Илейки, то теперь, перед казнью, Илейка вполне мог заявить, что он «на самом деле» сын царя Федора Ивановича, и тем самым сорвать планы своих палачей.

Если допустить, что рассказ Геркмана достоверен и в этой части, то это объясняет и такую его деталь, как добитие Илейки ударом дубины,— чтобы тем самым скорей покончить с неудавшейся затеей.

В биографии же Илейки Муромца его поведение во время казни — заключительный и яркий штрих.

---

[43] Другим событием, приуроченным к моменту после победы под Брянском и тотчас вслед за расправой над Илейкой, явилась свадьба царя Василия Шуйского, датированная в разрядных записях 17 января 1608 г. (С. А. Белокуров. Разрядные записи, стр. 174, 175 и 249), а в Рукописи Филарета — 14 января (Рукопись Филарета, стр. 276). Карамзин считал «первое показание вероятнее, ибо 14 генваря в сем году было в четверток, а 17 в воскресенье» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XII, примеч. 163).